

Раскрывая особенности чеховских конфликтов и психологизма, Скафтымов подчеркивает такие черты художественного метода писателя, которые делают его творчество позитивным итогом русского реализма XIX века. В отличие от Островского конфликт у Чехова строится не на борьбе интересов и целенаправленной злой воли, а на столкновении глубоких духовных запросов индивида со всем укладом жизни и является принадлежностью не отдельных личностей, а множества людей любой социальной среды, то есть осознанно или стихийно этот конфликт стал всеобщим, всеобщей стала и духовная автономия персонажей (каждый переживает свою драму), что, с одной стороны, обнаруживало кризис всего общественного российского уклада жизни, а с другой – возможности его преодоления, так как необходимость изменения действительности стала господствующей потребностью в обществе.

Обоснованные Скафтымовым методологические принципы в теоретических исследованиях о реализме получили творческое развитие в работах Л. Гинзбург «О психологической прозе» (Л., 1971, гл. 3) и о «О литературном герое» (Л., 1979), а также в монографии А. Карельского «От героя к человеку» (М., 1990).

Примечания

¹ Эта статья является извлечением из отзыва Скафтымова на кандидатскую диссертацию Г. И. Бондаренко «Южные поэмы Пушкина как этап в становлении его реализма». См.: Научный ежегодник СГУ за 1955 год. Филологический факультет. Саратов, 1958.

² Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе / А. П. Скафтымов. Саратов, 1958. С. 79. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

³ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 166. Далее ссылки на это издание даются в тексте в квадратных скобках.

⁴ Отражение поэтики просветительской литературы в стилистике романа «Что делать?» Скафтымов показывает в статье «Роман Чернышевского «Что делать?» (его идеологический состав и общественное воздействие)» (Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926.)

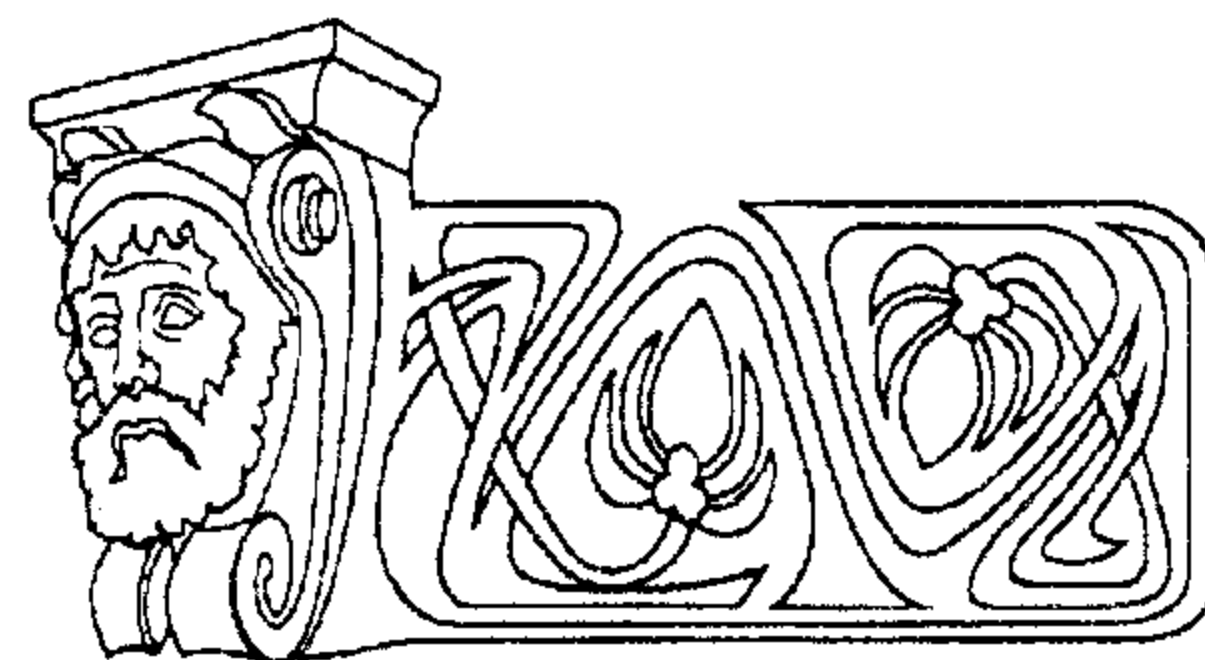
УДК 882.09+398(470)+929 Скафтымов

УРОКИ А. П. СКАФТЫМОВА

В. М. Вершинина

Своеобразие личности Александра Павловича Скафтымова как педагога проявилось во всех сферах его творчества, в общении с многочисленными учениками, коллегами и слушателями разных аудиторий. В процессе педагогической деятельности формировалось и отшлифовывалось его мастерство. Опираясь на собственные воспоминания и на воспоминания его учеников и коллег, мы попытаемся обратить внимание лишь на некоторые стороны педагогики Александра Павловича, сформулировав основные его уроки.

15 лет проработал Александр Павлович в Саратовском пединституте. Мне посчастливилось у него учиться. Это был последний выпуск, на котором он преподавал, переходя на работу в Университет, где открывался, а вернее сказать, восстанавливался при его горячем участии филологический факультет.

Время было трудное – военные и послевоенные годы. Для Александра Павловича трудности этих лет усугублялись большим личным горем: ссылкой жены Ольги Александровны и смертью единственного сына Павлуши.

Мы были покорены не только его мужеством, стойкостью, силой духа, но и его высокой внутренней культурой, интеллигентностью, которая проявлялась буквально во всем: в общении с коллегами, студентами, даже в его походке. Он был красив, обаятелен, и с годами эта красота не увядала. Мы все были чуть-чуть влюблены в своего учителя. Наперекор всем трудностям сурового времени нам всем очень хотелось учиться. Жажда знаний в те годы была необыкновенной, и такие личности, как Александр Павлович, поддерживали и укрепляли в каждом из нас стремление учиться.

Александр Павлович как лектор не обладал какими-то особенными артистическими данными, но он, несомненно, владел педагогическим мастерством. Лекции его были интересны, содержательны и оригинальны. Читал он их негромким задушевым голосом, в хорошем темпе, так что мы успевали записывать все главное.

Педагогические взгляды и интерес к педагогическим проблемам формировались у Александра еще в юности под влиянием семьи, в частности отца-священника, который был высокообразованным человеком (вспомним: семьи священников воспитали Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, физиолога И. П. Павлова и др.). В доме Скафтымовых была хорошая библиотека. По воспоминаниям брата Александра Павловича – Сергея Павловича, который работал в 1950-е гг. в Саратовском пединституте, в семье часто обсуждались произведения выдающихся педагогов прошлого, в частности отец любил повторять высказывания английского педагога Джона Локка, выступавшего против телесных наказаний и считавшего, что «рабская дисциплина создает и рабский характер» («Мысли о воспитании»).

Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета свидетельствуют о широте и разносторонности интересов Александра Павловича, о его энциклопедической образованности, на которую указывали все, кто писал о нем. Он был книголюб в хорошем смысле этого понятия. Среди книг, помимо книг по литературоведению, истории дипломатии, по музыке, логике, медицине, охране природы, значительное место занимали книги по психологии и педагогике, начиная с произведений античных мыслителей. В каталоге указаны сочинения таких выдающихся педагогов, как К. Гельвеций, Д. Дидро, М. Монтень, Д. Локк, Н. И. Новиков, С. Л. Рубинштейн. Много книг с дарственной надписью от проф. И. В. Стрехова (по проблемам педагогического такта, по психологии творчества), чл.-кор. проф. Н. Ф. Познанского («В. Г. Белинский о воспитании»), с которыми он был не только в дружеских отношениях, но и вместе сотрудничал в «Ученых записках», издаваемых пединститутом.

Занимаясь исследованием творчества Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Александр Павлович касался и проблем детства, воспитания, образования, подготовки учительских кадров, остро поставленных в произведениях этих выдающихся русских писателей и педагогов. Он анализирует внутренние монологи персонажей, изучает способы обрисовки их психики в художественных произведениях. Интерес к проблемам психологии и педагогики проходит через все творчество и выражен иногда даже в самих названиях его работ («О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого»). Таким образом, Александр Павлович, несомненно, был знаком с классической педагогической и психологической литературой, хотя, конечно, секреты педагогического мастерства постигал самостоятельно.

С годами у Александра Павловича складывалась своя система образования и воспитания, в которой доминирующую роль играло развитие интереса и любви к литературе. Пробуждая в нас потребность в глубоком осмысленном прочтении и изучении литературных произведений, он, часто используя нехитрые дидактические приемы, прерывал лекции на самом интересном: «Ну, а что было потом с героями, нашли ли они путь к правде и счастью, вы узнаете, прочитав до конца это великолепное произведение (“Дуэль”)), – заканчивал он.

В педагогической литературе такой прием некоторые педагоги определяют как прием Шахерезады. Внесение элементов таинственности, загадочности, неожиданности и сказочности придавало лекциям Александра Павловича особую прелесть и поэтичность.

Пожалуй, особенно значительным в методике читаемых им лекций было умение Александра Павловича устанавливать психологический контакт с аудиторией. Он как бы приглашал слушателей к совместному обсуждению важных проблем, проявляя большую личную заинтересованность в правильном понимании этих вопросов и озабоченность ими. Проблема счастья, проблема смысла жизни в творчестве писателей, в частности в произведениях Антона Павловича Чехова, представляли для Александра Павловича особый интерес в тот период. В трудное для

страны время Александр Павлович заставлял нас задуматься, как обрести жизнь достойную и счастливую.

На одном из занятий он предложил ряд тем для дальнейшего исследования. Мне показалась очень интересной тема «Дети в творчестве А. П. Чехова». Я обратилась к нему с просьбой помочь в составлении плана. Он пригласил меня домой, сказав при этом: «Здесь уж очень холодно. У меня, правда, тоже холодно, но все-таки потеплее». Множество книг, скромность домашней обстановки поразили меня. Он не только посоветовал, как составить план работы, но и обратил мое внимание на роль детей в семьях ссыльных на острове Сахалин. Очень хотелось оправдать его надежды и написать хорошую работу. Так, с легкой руки Александра Павловича определилась тема моего будущего исследования по психологии творчества и проблемам педагогики – «Психологический анализ в творчестве А. П. Чехова».

Лекции Александра Павловича, которым не было цены, нам приходилось записывать, к большому сожалению, даже на грубой оберточной бумаге.

Александр Павлович приучал нас к точности и аккуратности в работе. Вопрос о дисциплине в те годы не стоял, посещение лекций было почти стопроцентным, хотя многие студенты в то время совмещали учебу с работой на заводе, дежурством в госпиталях. Да и часты были отвлечения от занятий: то заготовка дров, то сельскохозяйственные работы. Но всегда стыдно было приходиться неподготовленными к семинарским занятиям, совестно было получать его даже очень деликатные замечания.

Одним из важных элементов педагогического мастерства и педагогической этики Александра Павловича было его желание сделать незаметным для собеседника свой воспитательный замысел. Так, присутствуя в период педпрактики на зачетном уроке у студентов, он, чтобы не смущать их, мог не записать ни одного замечания; при затруднении студентов на семинарских занятиях он иногда опускал глаза, переводил взгляд на посторонний предмет или слишком продолжительно «держал паузу», ограничивался коротким сочувствием или замечанием: «Не подготовились?».

На эмоциональную силу воздействия таких замечаний Александра Павловича обратила внимание в своих воспоминаниях об учителе проф. Евгения Павловна Никитина: «В его отношениях со студентами нет никакой назидательности, специальных воспитательных маневров, он умеет великодушно прощать, не заметить неловкость или лукавство. Его добрая снисходительность порожидала благодарное чувство и оказывалась незабываемым нравственным уроком».

В работе со студентами Александр Павлович проявлял глубокую личную заинтересованность. Складывалось впечатление, что от успешной работы каждого студента зависело физическое самочувствие и благополучие и обмануть его доверие было невозможно. Эта заинтересованность и вызывала повышенную требовательность и самоконтроль самих исполнителей-студентов.

Занятия Александра Павловича были не только уроками мужества, но и уроками доброты, человечности, уважительного отношения к нам, студентам, уважительного отношения к женщине.

Несмотря на то что занятия проводились в нетопленных аудиториях, где замерзали чернила, Александр Павлович никогда не позволял себе сидеть в шапке, только поднимал иногда воротник пальто. Он всегда замечал, что кто-то слишком утомлен, кто-то выглядит бледным. Нам до слез была приятна его наблюдательность, его педагогическая зоркость.

Знали студенты и о том, что Александр Павлович всегда готов прийти на помощь. Преподаватель Анастасия Гавриловна Пенцова рассказывала, как во время серьезной болезни ее дочери Александр Павлович пришел к ним домой и предложил денежную помощь на лечение. Знали мы и другие примеры доброты и сочувствия к бедам преподавателей и сотрудников института. Неоценимую помощь и моральную поддержку он оказывал моей однокласснице Белле Лазерсон, которая поступала, поступила, но не была принята в аспирантуру: время было очень сложное.

Умея спланировать коллектив преподавателей, Александр Павлович никогда не был одинок. Он всегда находился в кругу своих единомышленников, учеников. Особенно

крепкая многолетняя дружба связывала его с Ефимом Тимофеевичем Павловским. В перерыве между лекциями их часто можно было видеть вместе. О чем они говорили, мы не знали, но доброжелательность друг к другу, заинтересованный, даже какой-то интимный характер разговора мы могли наблюдать. И когда Ефим Тимофеевич умер, над гробом друга, тяжело переживая утрату, Александр Павлович сказал удивительно проникновенные слова: «Общение с таким человеком, как Ефим Тимофеевич, было для меня большой нравственной поддержкой, большой радостью и счастьем». И мы понимали, какое огромное значение имела настоящая мужская дружба в жизни этих двух близких по духу людей.

В те годы преподаватели трех вузов – университета, пединститута и эвакуированного в Саратов Ленинградского университета – жили одними общими интересами. На научных конференциях иногда допускались споры, которые учили нас, студентов, культуре дискуссии, или, как верно заметила

в своих воспоминаниях, проф. Алла Александровна Жук, учились ценить «моменты уважительного спора». Как нам сейчас не хватает этой культуры, тактичной стойкости в охране собственных позиций!

Великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский утверждал: «Личность воспитателя значит все в деле воспитания. Личность воспитывается личностью». Александр Павлович был личностью, личностью яркой, талантливой и обаятельной.

Уроки его незабываемы, как уроки высокого служения науке, великого гражданского мужества и доброты, профессионализма и интеллигентности, как уроки высокой культуры педагогического мастерства. Мы постоянно пользуемся ими в нашей повседневной работе со студентами, по возможности, пытаюсь им передавать этот бесценный скафтымовский дар.

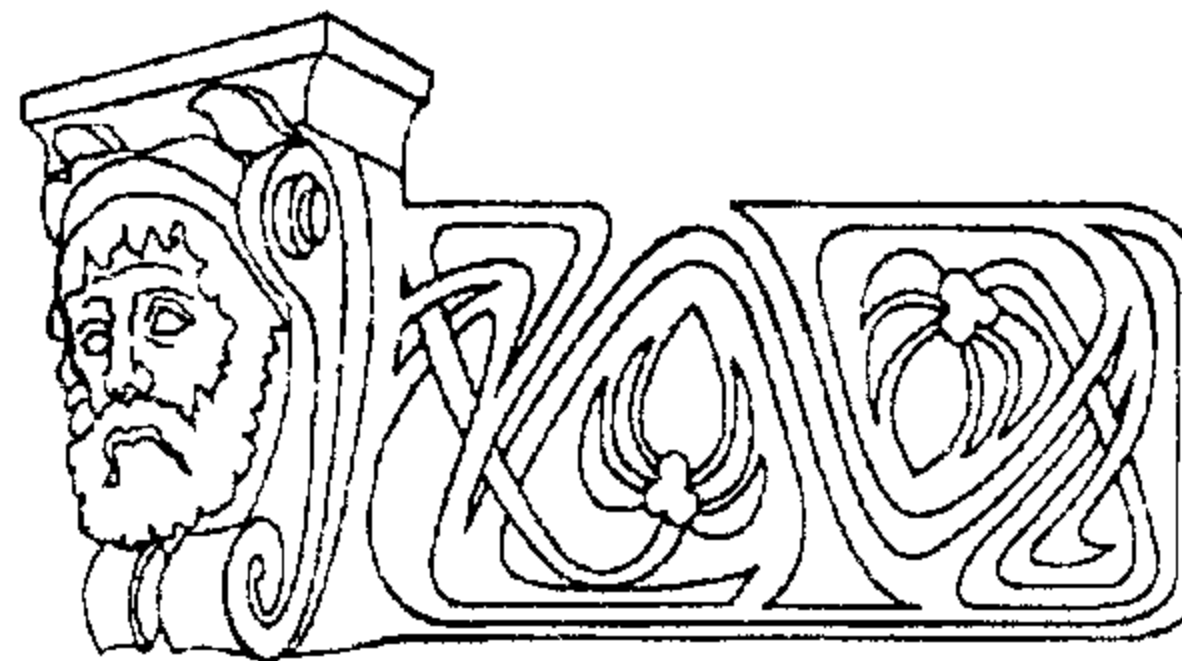
И я благодарна судьбе за то, что Учитель Скафтымов подобно огромной Синей птице – птице Счастья – коснулся и меня своим изящным, нежным и теплым крылом.

УДК 882.09+929[Скафтымов+Покусаев]

ШКОЛА А. П. СКАФТЫМОВА (заметки о литературной деятельности Евграфа Ивановича Покусаева)

Г. В. Краснов

Саратовская школа – одна из первых приоритетных региональных школ в отечественном литературоведении. В годы «оттепели» было отмечено, что «под руководством профессоров А. П. Скафтымова, Ю. Г. Оксмана, Е. И. Покусаева в стенах Саратовского университета сложился большой и сильный коллектив литературоведов, не уступающий по своим научным возможностям столичным исследовательским центрам»¹. Выделенный здесь по именам «триумvirат» не случаен. Родоначальник школы А. П. Скафтымов – и, с разной жизненной судьбой, его соратники, прямые преемники. Ю. Г. Оксман писал по поводу первого сборника статей А. П. Скафтымова (1958): «Велики заслуги А. П. Скафтымова и как многолетнего руководителя кафедры русской литературы Саратовского

университета, выдающегося лектора и педагога, воспитателя нескольких поколений преподавателей высшей и средней школы, многие из которых и сами уже пользуются заслуженной известностью»².

Е. И. Покусаев в связи с изданием упомянутой книги также отмечал: «А. П. Скафтымов сказал свое веское слово о великой русской литературе, слово ученого-патриота, гордящегося непревзойденными ее духовными ценностями, высокой художественной культурой русского народа»³. Кончина А. П. Скафтымова в январе 1968 г. была для него особенно тяжела. «Огромная, невосполнимая потеря, – писал он в мой адрес 2 февраля 1968 г. – Я потерял и друга, которому мог сказать все».